

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ЛИЧНОСТЬ ГОВОРЯЩАЯ, ПИШУЩАЯ, ЧИТАЮЩАЯ,
АНАЛИЗИРУЮЩАЯ В ЛИТЕРАТУРЕ

УДК 82.091

Екатерина Владимировна Лушневская
Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой, Полоцк

ОБРАЗ ВАЛЬКИРИИ В СЛАВЯНСКОЙ И ГЕРМАНСКОЙ МИФОЛОГИИ

Аннотация. В статье рассматривается роман М. В. Семёновой «Валькирия». Уходящий своими корнями в германо-скандинавскую древность образ валькирии в славянском фэнтези позволил искать не только связи между двумя древними культурами, но и утверждать наличие конкретных фактов, их объединяющих. Дева-воительница славянского происхождения вынуждена терпеть невзгоды и испытания судьбы. Но, как и любая девушка, она ищет любви, и находит ее в лице полуживого воина, которого она, подобно германо-скандинавской валькирии, уносит с поля боя, спасая от верной смерти в ночь Самхейна. В обмен за это она теряет прежнюю силу, но приобретает любовь. Судьба славянской валькирии напоминает судьбу Сигдривы, девы-воительницы из «Старшей Эдды».

Ключевые слова: валькирия, М. В. Семёнова, дева-воительница, судьба, славянское фэнтези, мифология.

Abstract. The article deals with the novel "Valkyrie" by M. V. Semenova. The image of valkyrie in the Slavic fantasy is going back to the Germanic-Scandinavian antiquity, allowed to search not only for connections between two ancient cultures, but also to assert the existence of certain facts uniting them. The warrior maiden of Slavic origin has to endure hardships and trials of fate. But like any girl, she is looking for love, and finds it in a half-dead warrior whom she, like the Scandinavian valkyrie, carries away from the battlefield, saving him from certain death on Samhain's night. In return she loses her power, but gains love. The destiny of the Slavic valkyrie is similar to that of Sigdriva, the maiden warrior from the "Elder Edda".

Keywords: Valkyrie, M. V. Semenova, warrior maiden, destiny, Slavic fantasy, mythology.

Роман М. В. Семёновой «Валькирия» привлек мое внимание не случайно. Однажды в одной из бесед мне стало известно, что А. А. Гугнин время от времени

увлекался чтением М. Семёновой, конечно, его интерес был связан не конкретно с этим романом, но все же. Не долго раздумывая, я приобрела книгу с одноименным названием романа, разом прочитала роман «Валькирия», а заодно и все повести, вошедшие в содержание сборника, и поставила его на полку книг, которые можно было бы когда-нибудь перечитать. Лишь спустя время, летом 2021 года, когда ушел из жизни профессор А. А. Гугнин, и все его окружение погрузилось в состояние невосполнимой утраты и горя, роман снова привлек мое внимание, но уже как способ временного побега в «другой» мир, мир древности, всегда завораживающий и увлекающий меня. Так я попыталась отвлечься... Каково было мое удивление, что когда-то не тронувшая меня книга, заставила перечитать ее еще и еще раз. Особенно поразило меня не описание славянского воинственного прошлого, что вполне оправдано для российской писательницы, известной как автора исторических произведений, а наличие тех германо-скандинавских параллелей в романе, настолько очевидных и понятных мне, которые позволили говорить о таком же увлечении Семёновой, которое разделяю и я. Возможно, тогда еще мой Учитель, А. А. Гугнин, увидел в ее произведениях не что-то обобщенное, позволяющее находить общие типологические черты, а конкретно-эмпирическое, на основе отдельных примеров и фактов. Теперь настало время и мне.

Издавна мифологические существа, определяющие жребий судьбы в жизни героев, привлекали внимание составителей легенд и авторов. Как правило, известны из германо-скандинавской мифологии валькирии, парящие над полем боя на крылатом коне. Эти прекрасные воинственные девушки иногда сами обладали крыльями, символично названными лебедиными. Валькирии не только сопровождали убитых на поле боя воинов в чертог Одина Вальгаллу, но и могли повлиять на исход битвы, и самостоятельно решали, кто станет победителем. Способность даровать победу или обрекать на смерть наделяет валькирию исключительным качеством – вершительница судьбы. В славянской мифологии подобными качествами наделены несколько существ. Прежде всего, известна райская птица Алконост, считающаяся божественным посланником и доносившая высшую волю, спускаясь с небес. Подобную функцию выполняла и обладающая тайным знанием предсказаний женщина-птица Гамаюн. Еще одно существо с телом птицы и головой женщины, наделенное таинственным голосом, Сирин ничего хорошего воину не сулила: она служила предвестником смерти. От пения Сирин сбивались с курса корабли, и гибли люди. Подобных дев можно встретить в древнегреческой мифологии – сирен, полудев, полуптиц, которые своими прекрасными мягкими голосами заманивали мореплавателей к подножию морских скал, обрекая их на гибель. Поэтому нередко в античной мифологии сирен называли музами смерти.

В архаических представлениях валькирии могли кормиться телами павших воинов, никак не участвуя в битве в ожидании жертв. В классической интерпретации они не только сопровождали погибших в царство Одина, но и могли стать

помощницами или даже возлюбленными воинов. В обширной статье, посвященной сравнительному анализу западногерманского и скандинавского валькирического мифа Н. А. Ганина пишет, что «для западногерманского ареала более актуальна связь валькирии (могучего, ужасного, непомерного, иноположенного / враждебного миру людей / человеку агенса) со смертью, нежели с положительно осознаваемым и желанным избранием-испытанием героя» [1, с. 114]. Важно отметить, что в данном случае для героев встреча с валькирией является губительной.

Все эти мифические образы бессмертны. Они, как правило, одиноки, и наделены некоторым даром, позволяющим решать судьбу смертных. Здесь их можно сравнить с норнами, прядущими нить судьбы и обладающими даром предсказания [2, с. 175]. Иное дело, когда «крылатая дева» становится смертной, обычной женщиной. В литературных произведениях встречаются образы женщин, которых по тем или иным причинам можно назвать валькириями, но они, как правило, являются представительницами человеческой расы, то есть обладают не-валькирическими чертами.

Образ девы-воительницы, валькирии хорошо известен нам из германо-скандинавской мифологии. Германские легенды, возникшие в эпоху великих переселений на континенте, были занесены и распространены на Скандинавском полуострове, а с приходом христианства сохранились почти нетронутыми в отличие от полностью уничтоженных как реликты язычества легенд на территории, заселенной германскими племенами. На древнеисландском языке «валькирия» (*valkyrja*) означает «выбирающая убитых», при чем сама она не является участницей битв. Такой мы видим Сигдриву в «Старшей Эдде», которая наблюдает за исходом битвы и, кроме того, дарует победу понравившемуся ей воину Агнару, а не славному Хьяльму-Гуннару, что противоречит воле Одина; и за что она наказывается Вседержителем вечным сном. Она обладает всеми характерными валькирическими чертами: военное облачение, участие в битвах, присуждение победы и подчинение Одину.

Известен из «Старшей Эдды» и образ валькирии Брюнхильд. Наличие в ней сверхчеловеческих черт, позволяющих сравнивать ее с валькириями и норнами, подробно рассматривается Н. Ю. Гвоздецкой в обширной статье «Валькирический миф в женских образах “Старшей Эдды”» [3, с. 90–94].

В «Песни о Нибелунгах» данный сюжет получил свое дальнейшее развитие. Здесь дева-воительница Брюнхильда наделена богатырской силой и, кажется от скуки, устраивает поединки со своими женихами, в результате которых все они погибают. Она не дарует победу, но сама является всепобеждающей и наводящей ужас. Однако, как и Сигдрива, Брюнхильда становится обычной (земной) девой, которая после познания мужчины теряет свою сверхъестественную, мифическую, силу. Так, валькирии лишаются права определять исход битв и вершить судьбы воинов. Следовательно, их отождествление с норнами, прядущими нить судьбы, становится не совсем возможным.

Образ валькирии из славянской мифологии можно найти в славянском фэнтези. Это не сказочное повествование, а вполне реальная история с элементами славянского фольклора и далекого фантастического прошлого. Речь идет о романе Марии Семёновой под названием «Валькирия» (1995). Первое впечатление от прочтения данного романа скорее сродни впечатлениям о романе, в котором речь идет о несчастной судьбе девушки в ожидании своего любимого. Данные предположения подкрепляются второй частью названия романа «Валькирия, или Тот, которого я всегда жду». Тогда возникает вполне правомерный вопрос о самом образе валькирии и его роли в славянском фэнтези. Если принять сам факт того, что произведение является образцом славянского фэнтези, и что интерес к глубокой старине самого автора является определяющим во многих ее произведениях, неясным остается обращение к образу валькирии, который, исходя из выше сказанного, восходит к германо-скандинавской мифологии.

В одном из своих интервью Мария Семёнова скажет: «Меня в данном случае интересовало, что получится с девушкой, которая ну никак не вписывается в рамки, предлагаемые ей родовым строем. Она бесконечно комплексует, ощущает себя белой вороной, но и переломить себя не может. Спрашивается в задачнике: куда она пойдёт и что будет делать?.. И чем всё может закончиться? Я просто до некоторой степени облегчила ей жизнь, сделав её богатыршей, охотницей, личностью сильной (в том числе физически) и смелой – чтобы не погибла за первым же углом» [4].

Если обратиться к содержанию книги, то само понятие «валькирия» встречается лишь дважды. В первый раз так называет славянскую девушку датчанин Хаук, когда тот дарит ей свирель:

– Держи на память, валькирия! [5, с. 291].

Датчанину как выходцу из далекой северной Скандинавии валькирии знакомы не понаслышке, и подаренная им на память свирель, также должна дополнять образ валькирии, девы-воительницы, сопровождающей своим пением погибших воинов в царство мертвых.

Но пусть и воинственной, но все еще неопытной и наивной Зиме Желановне о валькириях ничего не было известно, и она просит слепого старца Хагена объяснить значение имени:

– Что такое валькирия?

– Дева-воительница, – выговорил он медленно по-словенски. – Та, что дарует победу достойным. Это тебя так Хаук назвал [5, с. 301].

Больше автор нигде не вспоминает валькирий, словно предполагая наполнение смыслом этого понятия самим читателем.

Что-то натолкнуло Марию Семёнову так назвать свой роман. Согласно содержанию книги, Зима Желановна была рождена в семье, где всегда хотели наследника и по такому случаю по всем канонам провели обряд: «Увязали хлеб

в шубу и подняли наверх вместе с матицей, потом перерубили верёвку и стали смотреть, как упадёт. Вещий хлебушко лёг славно, верхней корочкой кверху – к мальчишкам. Радовался отец, песни пел, выглаживая люльку для сына... но первенца подменили у матери в животе, и родилась я. Дядькины сыновья долго потом не желали считать меня за сестру, дразнили – ведьмин подкидыш...» [5, с. 8]. Родители не долго думали об ее имени, поскольку рождена она была в зимнюю ночь, когда «с моря надвигалась метель», и назвали ее Зимой, тем самым предопределив ее холодность, сродни нелюдимости, и колкий характер. Жила она верной своему Роду, а когда умер отец, стала надежной помощницей в доме и защитницей своих младших сестер. Но даже в родной семье она чувствовала себя чужой и, когда в деревню пришли варяги, захотела отправиться с ними. Единственное, что все еще держало ее дома, была могила деда. Возможно поэтому она не смогла сразу покинуть род. Крепкая связь с предками, верность Роду и вера в судьбу долго не давали ей принять важное для себя решение. Но вот она решилась. И последовал длительный путь ее становления...как независимой девушки, как воина, как девы-воительницы.

В романе Марии Семёновой мы имеем дело с земной валькирией, черты мифического существа здесь отодвигаются на второй план и лишь изредка угадываются уже в ходе развития сюжета и становятся очевидными в развязке произведения. Но даже заключительная сцена показывает нам не мифические черты валькирии, а ее земную сущность, способность любить и быть помощницей воину, что отдаленно напоминает Сигдриву из «Старшей Эдды». Однажды Зима сравнивает себя с березой, которая не цвела и неохотно зеленела: «Словно не жила вовсе, а томилась в тягостном колдовском сне, где не было ни пробуждения, ни смерти...» [5, с. 15]. Здесь очевидной оказывается отсылка к вечному сну Сигдривы, пребывающей в состоянии полужизни-полусмерти в ожидании спасителя. Только незнающий страх воин сможет ее пробудить. Так произошло и с Зимой. Кроме метафорической отсылки ко сну как длительному ожиданию, девушка нередко видела сны, в которых всегда был Тот, кого она всегда ждет.

Судьбоносной встречей для славянской валькирии является приход ладожских варяг, после которой Зима почувствовала себя «отрезанным краем» [5, с. 21], а когда корабль отплыл, «ясно увидела саму себя в броне, в добром шеломе и со щитом» [5, с. 33], но это было лишь мечтой. Хотя мечта оказалась пророчеством.

Вот однажды она покидает отчий дом, оставляет свою прежнюю жизнь и начинает новую. Автор пишет об этом, как о смерти героини: «У нас так об умерших говорили: ушел из рода совсем!» [5, с. 52]. Подобное можно увидеть и в судьбе Сигдривы, от которой отрекается Один.

Однако наиболее символичным значением наделена заключительная сцена романа. В ней проявляются валькирические черты Зимы, роднящие ее образ как с образом Сигдривы, так и с образом Брюнхильды.

Главная героиня Зима спасает Мстивоя в полночь Самхейна, когда тот погибал для предыдущей жизни, обессиленный, стоя привязанным к березе. Если бы не решение Зимы, стоять бы ему до скончания века. Но героиня срезает его путы, тащит на себе под укромный шатер ели, укутывает в собственные одежды и мчит за подмогой. Перед уходом Зима отрезала свою косу и положила ему в руки: «Дождись!» [5, с. 352] – и зажгла огонь в честь Перуна, как нить Ариадны, связавшая его с землей жизнью, нить, за которую он цеплялся, чтобы жить. Так она, словно валькирия, освобождает его из когтей смерти и дарует ему жизнь. Неспорно в ту ночь отмечался праздник Самхейна, или Самайна¹, который был связан со сменой сезонов года и иногда назывался «праздником мёртвых»: считалось, что в эту ночь умирают люди, нарушившие свои гейсы, и занавес между мирами приоткрывается. Зима знала, что Мстивой нарушил все данные ему запреты, и знала, что «нарушивший их встречает скорую смерть» [5, с. 119].

Валькирия из германо-скандинавской мифологии появляется не часто, в ответственный момент битвы, когда воин готов перейти в мир иной. Вот и славянская валькирия не может оставить своего возлюбленного и самолично отправляется на его спасение. Ценою собственной жизни, снова разорвав связь с прежней жизнью, она превращается из воина в любящую девушку. Но ей не привыкать сталкиваться с превратностями судьбы и выходить победительницей. Таким образом, образ валькирии из романа М.В. Семеновой близок «земному» валькирическому образу Сигдривы и Брюнхильд, когда героиня из девы-воительницы превращается в обычную девушку благодаря встречи с тем, кого она всегда ждет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ганина Н. А. Валькирия: к генезису мифа и специфике древнегерманских ареальных традиций // Михайлова Т. А. Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев М.: Индрик, 2005. — 336 с. – С. 104–115.
2. Норны / Большая энциклопедия: словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / под ред. С. Н. Южакова [и др.]. - Санкт-Петербург: Книгоиздательское т-во "Просвещение", 1900–[1909]. – 24 см. Т. 14: Нерчинский округ – Пенч [Текст]. – 1904. – VIII, 794 с., [33] л. ил., к.: ил.

¹ «Ночь на Самайн была самым напряженным и значимым временем в году. В средневековой ирландской литературе пир Самайна (в ночь на первое ноября) как пограничное время отмечал начало зимы, темной, неблагоприятной половины, с которой начинался год. Потусторонний мир и сиды были открыты в ту ночь и злые силы хаоса господствовали в мире» [6, с. 52].

3. Гвоздецкая, Н. Ю. Валькирический миф в женских образах «Старшей Эдды» / Н. Ю. Гвоздецкая // Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев ; отв. ред. Т. А. Михайлова. – М.: Индрик, 2005. – С. 78–102.
4. Линчевский, И. Валькирия – Интервью с Марией Семеновой / И. Линчевский. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20100325171008/http://www.semenova.olmer.ru/>. – Дата доступа: 04.04.2022.
5. Семёнова, М. Валькирия: [роман, повести] / Мария Семёнова. – М.: АСТ; СПб.: Азбука, 2008. – 541 с.
6. Бондаренко, Г. В. Повседневная жизнь древних кельтов / Г. В. Бондаренко. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 396 с.